

Список литературы

1. Блок А. Стихотворения. Поэмы. Театр / А. Блок. – М. : Художественная литература, 1968. – 720 с.
2. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века (Лексика и общие замечания о слоге) / Л. А. Булаховский. – Киев : Изд-во Киевского гос. ун-та им. Т. Г. Шевченко, 1957. – 492 с.
3. Гущина К. Н. Черты импрессионизма в ранней лирике В. Нарбута / К. Н. Гущина // Научная дискуссия : вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2016. – № 7 (46). – С. 61–66.
4. Дорожкина В. Ю. Принципы сказового изложения в произведениях А.М. Ремизова : лингвостилистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / В. Ю. Дорожкина. – СПб., 1996. – 14 с.
5. Нарбут В. Стихотворения / В. Нарбут. – М. : Современник, 1990. – 445 с.
6. Рогачева Н. А. Мифологема запаха в поэзии В. Нарбута / Н. А. Рогачева // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 40–46.
7. Чертков Л. Судьба Владимира Нарбута / Л. Чертков // В. Нарбут Избранные стихи. – Париж : La Presse Libre, 1983. – С. 7–28.
8. Чеснялис П. Книга В. Нарбута «Плоть» : акмеистическое приятие мира и авангард / П. Чеснялис // Летняя школа по русской литературе. – 2014. – Т. 10, № 3. – С. 265–272.

References

1. Blok A. Stihotvoreniya. Poemy. Teatr. M. : Hudozhestvennaya literatura, 1968. 720 p.
2. Bulahovskij L. A. Russkij literaturnyj yazyk pervoj poloviny XIX veka (Leksika i obshchie zamechaniya o sloge). Kiev : Izd-vo Kievskogo gosudarstvennogo universiteta im. T.G. Shevchenko, 1957. 492 p.
3. Gushchina K. N. Cherty impressionizma v rannej lirike V. Narbuta // Nauchnaya diskussiya : voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii, 2016, № 7 (46), pp. 61–66.
4. Dorozhkina V. Yu. Principy skazovogo izlozheniya v proizvedeniyah A.M. Remizova: lingvostilisticheskij aspekt. SPb., 1996. 14 p.
5. Narbut V. Stihotvoreniya. M. : Sovremennik, 1990. 445 p.
6. Rogacheva N. A. Mifologema zapaha v poezii V. Narbuta // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011, № 1, pp. 40–46.
7. Chertkov L. Sud'ba Vladimira Narbuta // V. Narbut Izbrannye stihy. Parizh : La Presse Libre, 1983, pp. 7–28.
7. Chesnyalis P. Kniga V. Narbuta «Plot'» : akmeisticheskoe priyatie mira i avangard // Letnyaya shkola po russkoj literature, 2014. Vol. 10, № 3, pp. 265–272.

doi 10.21672/1818-4936-2021-78-2-111-117

**ПОЭМА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР»
В РАССКАЗЕ З.Н. ГИППИУС «ИВАН ИВАНОВИЧ И ЧЁРТ»: СФЕРА ГЕРОЯ**

Джамалова Яна Яниковна, магистрант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., 52.

Статья посвящена исследованию рецепции романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» в творчестве З.Н. Гиппиус. В работе представлен анализ рассказа «Иван Иванович и чёрт» (1905) в этом аспекте. Основное внимание уделено не связи рассматриваемого текста с главой романа «Братья Карамазовы» «Чёрт. Кошмар Ивана Фёдоровича», уже неоднократно отмеченной, а его связей с главой «Великий инквизитор».

Установлено наличие в рассказе «Иван Иванович и чёрт» мотивно-тематического комплекса (тема истинной природы человека, тема стремления осчастливить человечество, тема молчания, мотив «хлебов», тематическая оппозиция «разум – безумие» и др.), источником которого является поэма «Великий инквизитор». Определено, что мотивно-тематический комплекс «поэмы» реализуется в рассказе, прежде всего, на уровне героя. Темы и мотивы «поэмы» связаны с обоими героями рассказа, за счёт чего находятся в постоянном пересечении и существенно усложняют смысловой план

рассказа. Выявлена ориентация автора рассказа на универсальную проблематику «поэмы» и описаны индивидуальные смысловые доминанты, характерные для творчества З.Н. Гиппиус.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, З.Н. Гиппиус, поэма «Великий инквизитор», рассказ «Иван Иванович и чёрт», мотивно-тематический комплекс, смысловые доминанты

F.M. DOSTOEVSKY'S POEM "THE GRAND INQUISITOR" IN THE Z. N. GIPPIUS' SHORT STORY "IVAN IVANOVICH AND THE DEVIL": LAYER OF CHARACTERS

Dzhamalova Yana Ya., master's degree student, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, 199004, Russia, St. Petersburg, 1st line V.O., 52.

The article deals with the reception study of F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" in the Z. N. Gippius' works. The article presents an analysis of the short story "Ivan Ivanovich and the Devil" (1905) in this aspect. Much attention is given to the connection between the Gippius' text and the chapter of the novel "The Brothers Karamazov" "The Grand Inquisitor".

It is shown that the short story "Ivan Ivanovich and the Devil" has a motif-thematic complex, which source is the poem "The Grand Inquisitor". It is determined that the motif-thematic complex of the "poem" is realized in the short story on the character's level. The themes and motifs of the "poem" are connected with both characters of the story; therefore they are in constant intersection and significantly complicate the semantics of the short story. It is noted that the author of the short story focuses on the universal problems of the "poem". The article also describes the individual semantic dominants of the of Z. N. Gippius' works.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Z. N. Gippius, "The Grand Inquisitor", "Ivan Ivanovich and the Devil", motif-thematic complex, semantic dominants

Заключительный рассказ сборника З.Н. Гиппиус «Чёрное по белому. Пятая книга рассказов» (1908) – «Иван Иванович и чёрт», впервые опубликованный в 1906 году в журнале «Золотое руно», – неоднократно становился объектом внимания исследователей и проанализирован во многих аспектах: с точки зрения жанровой структуры и традиции литературной сказки [12, с. 528], в связи с проблемой эволюции демонических образов в произведениях автора⁶.

Одним из перспективных ракурсов анализа данного произведения является изучение рассказа в контексте русской классической прозы, в особенности – романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Так, во вступительной статье к изданию произведений Гиппиус 1991 года исследователи отмечают «почти полную аналогию» [1, с. 29] между диалогом героев рассматриваемого текста и диалогом Ивана Карамазова с чёртом в главе «Чёрт. Кошмар Ивана Фёдоровича». В работе О.Н. Калениченко «Интертекст как литературный приём в новеллах-мифах З. Гиппиус о чёрте» автор статьи также подчёркивает ориентацию Гиппиус на главу «Чёрт. Кошмар Ивана Фёдоровича» и, следуя теории интертекстуальности, отмечает, что цель вступления автора рассказа в диалог с классикой – «прояснить тайный смысл» [8, с. 97] новеллы.

Обращение к наследию русской классической литературы, обнаруживающееся в рассказе «Иван Иванович и чёрт», – не исключительный факт, а частный случай общего явления, характерного не только для творчества З.Н. Гиппиус, но и для современного ей литературного процесса в целом. Д.М. Магомедова в статье «"Переписывание классики" на рубеже веков: сфера автора и сфера героя» выделяет феномен «переписывания классики», суть которого заключается в воспроизведении структурных элементов классических произведений русской литературы XIX века с «сознательными полемическими отсылками к тексту-источнику и со столь же сознательной полемической трансформацией исходного образца» [9, с. 213].

Случаи «переписывания классики» в прозаическом наследии З.Н. Гиппиус не исчерпываются изучаемым рассказом. В рамках данной концепции Д.М. Магомедова в работе «Переписывание сюжета о «новых людях» в русской прозе конца XIX – начала XX вв. (В.В. Вересаев и З.Н. Гиппиус)» проводит параллель между произведениями

⁶ Имеется в виду данная работа: Прошина Н. В. Чёрт, или вечный соблазн: эволюция мифологемы в творчестве Зинаиды Гиппиус // Русский символизм и мировая культура : сб. науч. тр. / Гос. акад. славян. культуры. М. : ГАСК, 2009. Вып. 3. С. 67–76.

З.Н. Гиппиус (рассказами из сборника «Новые люди» (1896), романами «Чёртова кукла», (1911) «Роман-царевич» (1913)) и текстами русской прозы второй половины XIX века. В исследовании О.А. Богдановой «Под созвездием Достоевского. Художественная проза рубежа XIX–XX веков в аспекте жанровой поэтики русской классической литературы» вышеупомянутые романы З.Н. Гиппиус анализируются с точки зрения традиции «идеологического романа» Ф.М. Достоевского.

Связь рассказа «Иван Иванович и чёрт» с романом Достоевского «Братья Карамазовы», и в частности, с главой «Чёрт. Кошмар Ивана Фёдоровича» уже неоднократно была отмечена и частично проанализирована, однако связь с другим, не менее значимым фрагментом романа «Братья Карамазовы» не столь очевидна. Речь идёт об одной из «кульминационных» [6, с. 66], по определению Достоевского, глав романа – главе «Великий инквизитор».

«Поэма» Ивана Карамазова, как и его диалог с чёртом, проецируется на весь рассказ, однако в данном случае следует говорить не столько об уровне сюжета, сколько об уровне мотивно-тематическом. Если глава «Чёрт. Кошмар Ивана Фёдоровича» на уровне сюжета буквально «переписана» Гиппиус от начала до конца, то характер связей между рассказом и главой «Великий инквизитор» более сложный. Мотивно-тематический комплекс «поэмы» связан с обоими героями произведения Гиппиус: сначала реализуется взаимосвязь между образами чёрта и инквизитора, далее – между образами инквизитора и Ивана Ивановича. За счёт этого темы и мотивы «поэмы» как бы удваиваются и, находясь в постоянном пересечении, усложняют смысловой план рассказа.

Первый план присутствия текста Достоевского в рассказе раскрывается в одном из наиболее объёмных и концептуальных монологов чёрта, в котором он рассказывает Ивану Ивановичу о цели своих визитов к людям. Цель эта – победа в «вечном» споре с Богом, и предмет этого спора непосредственно связан с тематическим комплексом «поэмы»: как и в случае с «Великим инквизитором», ключевая тема рассуждений чёрта – тема человеческой природы. Главный тезис героя Гиппиус в этом споре – отрицание в человеке божественного начала и утверждение начала своего, демонического: «Бог утверждает, что человек создан по Его образу и подобию, а я – что по моему» [3, с. 493]. Этот спор представляет собой свёрнутый до небольшого абзаца фрагмент монолога инквизитора: «...но люди-то, но слабое бунтующее племя это – *они-то боги ли?* <...> Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем ты о нём думал!» [7, с. 233]. И инквизитор в романе Достоевского, и чёрт в рассказе Гиппиус отрицают в человеке божественное начало. Однако герой Гиппиус идёт дальше – он прямо утверждает, что истинная природа человека тождественна его, демонической, природе, в то время как инквизитор делает это скорее опосредованно: человек ввиду своей естественной слабости идёт за теми, кто давно, «уже восемь веков» [7, с. 234] «с ним».

Продолжается этот монолог чёрта в рассказе другой темой, напрямую связанной с тематическим комплексом не только главы «Чёрт. Кошмар Ивана Фёдоровича», но и «поэмы» Ивана Карамазова, – темой стремления осчастливить человечество. Схожи и предлагаемые героями (инквизитором у Достоевского и чёртом у Гиппиус) пути обретения человечеством счастья, главным условием которого является принятие «истинной», утверждаемой героями природы человека. Так, инквизитор пророчит наступление на земле царства «миллионов счастливых младенцев», счастья «слабосильных существ, *какими они* [люди – Я. Д.] *и созданы*» [7, с. 236]. Наступлением этого царства человечество будет обязано таким, как инквизитор, «ста тысячам страдальцев», а вместе с тем – *тому*, с кем они «уже восемь веков». В рассказе Гиппиус счастье человечества тоже представляется заслугой «умного духа» (чёрт сам наделяет себя этой характеристикой: «...уверю вас, *мы умны* – и вы умны» – говорит он Ивану Ивановичу [3, с. 495]), и условием этого счастья является проявление «настоящей» природы человека: «...они, с моей [чёрта – Я. Д.] помощью, по правде жили и себе, *своей настоящей природе, остались верны*. <...> К тому же, так живя, они наиболее счастливы. Между прочим, значит, *я стремлюсь и сделать людей счастливыми*» [3, с. 494].

Объединяет образы инквизитора и чёрта и следующая тема в характеристике их «грядущего царства», основанная на потребности, исходящей из самой человеческой («подлинной», утверждаемой героями) природы – потребности в «соединении». Эта тема желания «всемирности» декларируется инквизитором в «поэме»: «...всё, чего ищет человек на земле, то есть: <...> каким образом *соединиться наконец всем* в бесспорный общий и согласный муравейник, ибо *потребность всемирного соединения есть третья и последнее мучение людей*. Всегда человечество в целом своём стремилось устроиться *непрерывно всемирно*» [7, с. 235]. Чёрт повторяет этот тезис:

«Человек, знаете, – прекрасно, не спорю... Ну один, другой, третий... *всё-таки единицы*. А возьмите вы человечество! Ведь как звучит-то! *Человечество* идёт! *Все со всеми!*» [3, с. 496] Как и инквизитор, герой рассказа Гиппиус видит в использовании этой потребности объединения камешек в фундамент его «будущего дворца», инструмент, с помощью которого станет возможна победа в «вечном споре»: «*Вселенскую бы такую партийку... Чтоб выдержала вселенскость... Понимаете? Чтоб уж для всех... Огулом уж тогда, всех сразу к торжеству правды подвинуть*» [3, с. 505]. При этом торжеством правды является не что иное, как принятие тезиса об утверждаемой чёртом «настоящей», то есть демонической природе человека.

Сопоставление текстов демонстрирует, что ключевые темы монолога инквизитора оказываются имплицитованы в монологе чёрта. Кроме того, как и герой «поэмы», чёрт в рассказе имеет своего «оппонента». Образная диада «инквизитор – Христос» у Гиппиус трансформируется в оппозицию «чёрт – Бог», при этом ключевые элементы мотивно-тематического комплекса текста-источника сохранены. Помимо тем, рассмотренных выше, в рассказе сохранена центральная тема «поэмы» – тема молчания Христа, преобразованная Гиппиус в тему отказа Бога вступить в спор с чёртом. Несмотря на то, что Бог в рассказе, в отличие от Христа в поэме, присутствует только на уровне упоминания, значимая характеристика его образа – та же: «По правде сказать – *это я спорю с Богом, а Он не спорит*» [3, с. 494].

Мотивно-тематический комплекс «поэмы» присутствует в рассказе не только в рамках образной пары «чёрт – инквизитор», он также организует другую взаимосвязь: создаётся образная пара великий инквизитор – Иван Иванович. В данном случае наиболее явным элементом мотивно-тематического комплекса главы «Великий инквизитор» является один из её центральных мотивов – мотив «хлебов». В этом отношении нас прежде всего интересует заключительная часть рассказа, – диалог между героями, состоявшийся после «сказочек» чёрта. Иван Иванович, возмущённый услышанной «чепухой декадентской и притом имморальной», произносит фразу, демонстрирующую глубинную связь между ним и инквизитором: «О солнце людям говорить! Черта им в солнце, *им жрать нечего* <...>» [3, с. 503]. Это короткое эмоциональное высказывание обнажает ход мыслей героя: он неотступно следует логике инквизитора – отрицает мироустройство, предложенное в «сказочке», мироустройство, описание которого даже на лексическом уровне совпадает с текстом «поэмы», ср.: «*Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за тобою, прельщенный и плененный тобою. Вместо твердого древнего закона — свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве твой образ пред собою...*» [7, с. 232]; «*Разве мир не оттого так прекрасен, что устроен не по справедливости, а по любви? <...> Но мир по любви и свободе устроен <...> Справедливость ищет закона и права. А разве мы не знаем, что закон и право не нужны людям?*» [3, с. 501].

Главный аргумент Ивана Ивановича в этом отрицании – поистине инквизиторский: герой Гиппиус утверждает первостепенность «хлеба земного». А.С. Долинин в книге «Последние романы Достоевского», говоря об истории создания романа «Братья Карамазовы» и, в частности, «поэмы» (глава «Последняя вершина (к истории создания „Братьев Карамазовых“), часть «Истоки»)), приводит фрагменты письма Ф.М. Достоевского В.А. Алексееву от 7 июня 1876 года. Главная тема письма – впоследствии воплощённая в «поэме» тема «камней и хлебов», первая «идея, которую задал злой дух Христу»: «...дай им всем пищу, обеспечь их, дай им такое устройство социальное, чтоб хлеб и порядок у них был всегда – и тогда уже спрашивай с них греха. Тогда если согрешат, то будут неблагодарными, а теперь – с голодухи грешат. <...> Неужто не веришь, что главнейшие пороки и беды человека произошли от голоду, холоду, нищеты и из невозможной борьбы за существование» [5, с. 84–85]. Эта, по определению Достоевского, «дьяволова идея» [5, с. 85] – ложится в основу хода мыслей Ивана Ивановича в рассматриваемом эпизоде рассказа, он фактически воспроизводит слова «умного духа»: «*Черта им в солнце, им жрать нечего*, они в крепостях да тюрьмах сидят, а дома у рабочего сырость, да холод...» [3, с. 503].

Примечательно, что Достоевский в письме, которое А.С. Долинин приводит в качестве одного из источников «поэмы», связывает эту «дьяволову идею» именно с тем, что является ключевой характеристикой в образе Ивана Ивановича – с «общественной деятельностью», социализмом: «*Нынешний социализм [во всей цитате курсив Достоевского] в Европе, да и у нас, везде устраняет Христа и хлопочет прежде всего о хлебе, призывает науку и утверждает, что причиною всех бедствий человеческих одно – нищета, борьба за существование, „среда заела“*» [5, с. 85]. Вторит словам

Достоевского и Д.С. Мережковский в своей книге «Гоголь и чёрт». И хотя «Великий инквизитор» не является предметом исследования Мережковского в этой работе, в первой части её находим следующее замечание: «...антихристово царство, противоположаемое Великим Инквизитором царству Христову – эти «тысячи миллионов счастливых младенцев», умеренная сытость, «спокойное довольство» всего человечества в комфортабельных «алюминиевых дворцах», в вавилонской башне социал-демократии есть не что иное, как царство Чичикова, всемирного и вечного, Чичикова *sub specie aeterni*, ибо царство его и есть именно царство «от мира сего»...» [11, с. 231].

Желание устройства на земле именно такого царства «от мира сего» демонстрируют слова Ивана Ивановича, его отрицание «отвлечённостей», – мира, устроенного «по любви и свободе», – и вместе с тем инквизиторское утверждение первостепенности «хлебов» суть отрицание «духовного происхождения человека» [5, с. 85], то есть не что иное, как стремление к созданию «алюминиевого дворца» – того самого «моего будущего дворца», камешки для которого усердно собирает чёрт.

Но не только хлебы принимает вслед за инквизитором Иван Иванович от умного духа. Выше было отмечено, что одной из тем, организующей параллель между образом инквизитора в «поэме» и образом чёрта в рассказе, является тема желания человечеством «всемирности», желания, которое станет залогом их будущего «царства» – как инквизитора, так и чёрта: «стадо вновь соберется и вновь покорится, и уже раз навсегда» [7, с. 236]. При возвращении к рассматриваемому фрагменту рассказа обнаруживается, что Иван Иванович принимает и эту «идею»: «*Всякое проявление индивидуальной, личной жизни – в такое время бесчестно... А борьба должна быть непрерывной... Да, да... Только окончательная социализация... Солидаризация...*» [3, с. 504]. Тема индивидуальности в его в словах появляется неслучайно: именно индивидуалистами называет чёрт героев своей сказочки, живущих «по любви и свободе». Таким образом, в своей готовности отказаться от индивидуальности, следовательно, и от любви и свободы, Иван Иванович снова соглашается с чёртом (и вместе с тем с инквизитором) в их стремлении «усмирить <...> буйное тысячемиллионное стадо», создать *всемирное* царство покорных, слабосильных существ.

Ещё одна линия взаимосвязи главы «Великий инквизитор» и рассказа «Иван Иванович» выстраивается в рамках оппозиции тем «разум – безумие», возникающей и концептуализирующейся в «поэме» в монологе инквизитора. Первая тема этой оппозиции – разум – представляется инквизитором как конститутивный признак «могучего духа», три «вопроса» которого были «предложены» Христу в пустыне. Трижды в «поэме» злой дух получает эпитет «умный», например: «Страшный и *умный* дух, дух самоуничтожения и небытия» [7, с. 229]. Кроме того, этой характеристикой (наряду с эпитетом «могучий») наделяется и сам инквизитор: «Они будут дивиться и ужасаться на нас и гордиться тем, что *мы так могучи и так умны*» [7, с. 236].

В статье К.М. Азадовского и А.В. Лаврова «З.Н. Гиппиус: метафизика, личность, творчество» авторы приводят фрагмент письма З.Н. Гиппиус Д.В. Философовой, имеющий отношение к рассказу «Иван Иванович и чёрт» как в хронологическом, так и тематическом планах: «Реально чувствую, как соблазняет меня Дьявол, – пишет она Д.В. Философовой 17 июля 1905 года. – <...> Говорю с ним и спорю единственно, как умею – умом. Но *дьявол никогда не глупее человека*, к которому приставлен. <...> Во всяком случае, *мой чёрт поумнее меня*, и ничего я с ним логикой не поделаю» [1, с. 29]. Эта тема впоследствии находит воплощение и в рассказе, в этом смысле чёрт изображается прямым наследником умного духа из «поэмы» Достоевского: «Никакого чёрта никто дураком круглым не считал. Нет, уверяю вас, *мы умны – и вы умны*» [3, с. 495].

Но что противопоставляется разуму «страшного духа» в «поэме» и разуму чёрта в рассказе? Для ответа обратимся к заключительному фрагменту монолога великого инквизитора: «Знай, что и я был в пустыне, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлял свободу, которую ты благословил людей, и я готовился стать в число избранных твоих, в число могучих и сильных с жаждой «восполнить число». Но я очнулся и *не захотел служить безумию*» [7, с. 237]. Так, разум (в инквизиторском смысле), противопоставленный безумию веры в мир, устроенный «по любви и свободе», становится в рассказе ещё одной «идеей», предлагаемой герою злым духом. Иван Иванович готов принять и эту идею. В своём рассуждении он, хотя ещё и неуверенно, допускает следующую мысль: «Теория, заслуживающая внимания, должна основываться *сплошь на разуме*» [3, с. 496].

Таковы основные элементы мотивно-тематического комплекса «поэмы», которые, будучи имплицированы в рассказ Гиппиус, организуют образную пару «инквизитор – Иван Иванович». Вслед за инквизитором герой Гиппиус принимает «советы

великого страшного духа», отбрасывает «старые» евангельские «марева», «устраняет Христа и хлопочет прежде всего о хлебе» [5, с. 85].

Помещая произведение в контекст романа Достоевского, Гиппиус не только универсализует проблематику собственного текста, но и создаёт индивидуальные смысловые доминанты в вечной теме «Бог-человек». «Инквизиторский» слой в рассказе ввиду своей связи с обоими героями текста, с одной стороны, усложняет образы чёрта и Ивана Ивановича, а, с другой стороны, объединяет их. Постоянное переплетение тем и мотивов на уровне героев реализует авторскую установку на создание «смешения» – одного из ключевых элементов рассказа как на смысловом уровне, так и на уровне организации текста.

Список литературы

1. Азадовский К. М. З. Н. Гиппиус: метафизика, личность, творчество / К. М. Азадовский, А. В. Лавров // Гиппиус З. Н. Сочинения. Стихотворения. Проза. – Л. : Художественная литература, 1991. – С. 3–44.
2. Богданова О. А. Под созвездием Достоевского. Художественная проза рубежа XIX–XX веков в аспекте жанровой поэтики русской классической литературы / О. А. Богданова. – М. : Изд-во Кулагиной – Intrada, 2008. – 312 с.
3. Гиппиус З. Н. Иван Иванович и чёрт / З. Н. Гиппиус // Гиппиус З. Н. Собрание сочинений : в 15 т. – М. : Русская книга, 2001. – Т. 3. Алы меч: Повести. Рассказы. Стихотворения. – С. 488–506.
4. Долинин А. С. Последние романы Достоевского. Как создавались «Бесы» и «Братья Карамазовы» / А. С. Долинин. – М. – Л. : Советский писатель, 1963. – 344 с.
5. Достоевский Ф. М. Письмо В. А. Алексею от 7 июня 1876 / Ф. М. Достоевский // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 30 т. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. – Т. 29, кн. 2. Письма, 1875–1887. – С. 84–85.
6. Достоевский Ф. М. Письмо К. П. Победоносцеву от 19 мая 1879 / Ф. М. Достоевский // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 30 т. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. – Т. 30, кн. 1. Письма, 1878–1881. – С. 66–67.
7. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. – Т. 14. Братья Карамазовы: Роман : в 4 ч. с эпилогом. Кн. 1–10. – 511 с.
8. Калениченко О. Н. Интертекст как литературный прием в новеллах-мифах З. Гиппиус о чёрте / О. Н. Калениченко // Словесное искусство Серебряного века и русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения») : сб. ст. по итогам Международной научной конференции (Москва, МГОУ, 16–17 сентября 2013 г.) / сост. и ред. Л. Ф. Алексеева и др. – М. : ИИУ МГОУ, 2015. – С. 89–97.
9. Магомедова Д. М. «Переписывание классики» на рубеже веков: сфера автора и сфера героя / Д. М. Магомедова // Литературный текст: проблемы и методы исследования. – 2000. – № 6. – С. 212–218.
10. Магомедова Д. М. Переписывание сюжета о «новых людях» в русской прозе конца XIX – начала XX вв. (В.В. Вересаев и З.Н. Гиппиус) / Д. М. Магомедова // Новый филологический вестник. – 2018. – № 2 (45). – С. 118–125.
11. Мережковский Д. С. Гоголь и чёрт / Д. С. Мережковский // Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. – М. : Советский писатель, 1991. – С. 213–309.
12. Орлова Г. К. Литературная сказка / Г. К. Орлова // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – С. 521–542.

References

1. Azadovskij K. M., Lavrov A. V. Z. N. Gippius: metafizika, lichnost', tvorchestvo. Gippius Z. N. Sochineniya. Stihotvoreniya. Proza. L.: Hudozhestvennaya literatura, 1991, pp. 3–44.
2. Bogdanova O. A. Pod sozvezdiem Dostoevskogo. Hudozhestvennaya proza rubezha XIX–XX vekov v aspekte zhanrovoj poetiki russkoj klassicheskoj literatury. M.: Izd-vo Kulaginoj – Intrada, 2008. 312 p.
3. Gippius Z. N. Ivan Ivanovich i chyort. Gippius Z. N. Sobr. soch. : in 15 vol. M. : Russkaya kniga, 2001, Vol. 3. Alyj mech: Povesti. Rasskazy. Stihotvoreniya. pp. 488–506.
4. Dolinin A. S. Poslednie romany Dostoevskogo. Kak sozdavalis' «Besy» i «Brat'ya Karamazovy». M. – L.: Sovetskij pisatel', 1963. 344 p.

5. Dostoevskij F. M. Pis'mo V. A. Alekseevu ot 7 iyunya 1876. / F. M. Dostoevskij. Sobranie sochineniy : in 30 vol. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1986. Vol. 29, kn. 2. Pis'ma, 1875–1887, pp. 84–85.
6. Dostoevskij F. M. Pis'mo K. P. Pobedonoscevu ot 19 maya 1879. F. M. Dostoevskij. Sobranie sochineniy : in 30 vol. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1988. Vol. 30, kn. 1. Pis'ma, 1878–1881, pp. 66–67.
7. Dostoevskij F. M. Sobr. sochineniy : in 30 vol. Vol. 14. Brat'ya Karamazovy: Roman in 4 parts. Kn. 1-10. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1976. 511 p.
8. Kalenichenko O. N. Intertekst kak literaturnyj priem v novellah-mifah Z. Gippius o chyorte. Slovesnoe iskusstvo Serebryanogo veka i Russkogo zarubezh'ya v kontekste epohi («Smirnovskie chteniya») / ed. L. F. Alekseeva et al. M.: IJU MSOU, 2015, pp. 89–97.
9. Magomedova D. M. «Perepisyvanie klassiki» na rubezhe vekov: sfera avtora i sfera geroya // Literaturnyj tekst: problemy i metody issledovaniya, 2000, № 6, pp. 212–218.
10. Magomedova D. M. Perepisyvanie syuzheta o «novyh lyudyah» v russkoj proze konca XIX – nachala XX vv. (V.V. Veresaev i Z.N. Gippius) // Novyj filologicheskij vestnik, 2018, № 2 (45), pp. 118–125.
11. Merezhkovskij D. S. Gogol' i chyort // V tihom omute: Stat'i i issledovaniya raznyh let. M.: Sovetskij pisatel', 1991, pp. 213–309.
12. Orlova G. K. Literaturnaya skazka // Poetika russkoj literatury konca XIX – nachala XX veka. Dinamika zhanra. Obshchie problemy. Proza. M.: IMLI RAN, 2009, pp. 521–542.

doi 10.21672/1818-4936-2021-78-2-117-121

СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ КАК НОВЫЙ ЖАНР ЛИТЕРАТУРЫ В КИТАЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В.

Захарова Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент,
Институт мировой литературы, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25а,
radaeva2002@gmail.com

Данная статья посвящена анализу эволюции жанровой системы в литературе Китая первой четверти XX в. Исследование строится на анализе романов, написанных как на литературном языке *вэньянь*, так и на разговорном *байхуа* и не переведённых на русский язык. Анализ тематики и стилистики сочинений повествовательных жанров позволил автору статьи проследить трансформацию творческой манеры литераторов исследуемого периода, отразившую рождение нового типа художественного сознания. Новые жанровые структуры – социально-утопического романа и повести – подтверждают стремление китайских писателей к использованию новаторских, отличных от традиционных, жанровых форм. Китайские писатели начала XX в. стремились в своих сочинениях дать отражение актуальных проблем жизни Поднебесной и предпочитали обращаться к традиционному жанру романа, который претерпевал изменения, формально выражавшиеся в постепенном сокращении количества глав и действующих персонажей. Менялась тематика: приоритетной становилась патриотическая (антиманьчжурская) направленность. Призывы к национальному освобождению от иноземного правления сочетались с картинами преображенного Китая с демократической формой правления. Хотя исследуемые сочинения не отличались высокой художественностью, структурно и тематически они подготовили становление современной литературы Китая.

Ключевые слова: литература Китая, повествовательная проза, социально-утопические романы и повести

SOCIAL UTOPIA AS A NEW GENRE OF LITERATURE IN CHINA IN THE FIRST QUARTER OF THE XX CENTURY

Zakharova Natalya V., Candidate of Philological Sciences, Institute of World Literature, Russia, 121069, Moscow, 25a Povarskaya st., radaeva2002@gmail.com

This article is devoted to the analysis of the evolution of the genre system in Chinese literature in the first quarter of the twentieth century. The purpose of the study is to trace the transformation of the creative manner of the writers of the period under study. Subject – novels of the famous Chinese writers, not translated into Russian. The comparative-historical method was used to analyze the subject matter and stylistics of the works